

венное, не дающее в своем развитии новых качеств. Он ориентирует читателя на различные частные проблемы, например, на комплектование армии и т. п., чтобы отвлечь его внимание от основного — от неизбежности падения древнего рабовладельческого Рима в результате экономического развития и классовой борьбы.

Омо озабочен проблемой укрепления трещащего по всем швам буржуазного общества, обреченность которого он, естественно, боится заметить. В своей работе «Золотой век римской империи» Омо озабочен не исследованием подлинной истории того времени, а задачей успокоения современной буржуазии и дезориентирования читателя из народа. По утверждению Омо, не развитие социальных противоречий и классовой борьбы привели к гибели Римскую империю, а недостатки в аппарате, недочеты в организации армии, не обеспечившей границ от вторжений варваров. На оборону требовались и большие средства, которые при тогдашнем низком уровне техники нельзя было собрать. Растущие нужды привели в конце концов к финансовому кризису. Не законы развития классового общества, а ряд случайных внутренних и внешних причин ослабили империю. В числе их оказывается отсутствие добродетельных и мудрых императоров после смерти «кроткого» Марка Аврелия.

В общем «добрым старым римлянам» нехватало армии и военной техники, чтобы продлить «благоденствие» завоеванного ими «римского мира», нехватало финансовых средств. И когда Эйзенхауер, Ачесон и им подобные на современной, более высокой военно-технической и финансовой базе собираются, как они утверждают в речах, повторить опыт Римской империи, то почву для этой аргументации подготовили и такие аполитические по внешности книги буржуазных историков-эрудитов, как работа Л. Омо «Золотой век Римской империи». На ее примере во весь рост проявляется реакционная сущность так называемого буржуазного объективизма и лишней раз подтверждается политическая актуальность изучения древней истории. Актуально не только то, что близко по времени. Поэтому особенно необходимо показать в ряде научно-популярных марксистских работ Римскую империю в ее подлинном историческом виде с ее достоинствами и недостатками, как империю рабского периода. Такие очерки советских ученых, в числе прочих мероприятий, будут тоже служить делу наглядного разоблачения целей современных империалистов, тоскующих по «золотому веку» римских рабовладельцев.

†

Н. Н. Пикус

Allan Chester JOHNSON and Louis C. WEST, Byzantine Egypt Economic Studies (Princeton University Studies in Papyrology, № 6), Princeton, 1949, VIII + 344 стр.

Рецензируемая книга принадлежит двум американским папирологам, в течение многих лет занимающимся изучением римско-византийского Египта. В 1926 г. Джонсон в соавторстве с Эбботом опубликовал книгу о муниципальном устройстве Римской империи¹. В 1936 г. он издал объемистую монографию «Римский Египет до Диоклетиана»², вошедшую в качестве второго тома в серию Т. Франка «Экономическое обозрение древнего Рима», разобранную в нашей научной печати покойным А. Б. Рановичем³. Джонсону же принадлежит ряд папирологических публикаций. Вест работает по специальным вопросам экономической истории Египта.

Самую тему исследования (Египет IV—VII вв.) нельзя не признать весьма интересной. С 1909 г., когда появился первый труд в этой области⁴, и до настоящего вре-

¹ F. F. A b b o t t and A. C. J o h n s o n. Municipal Administration in the Roman Empire, 1926.

² A. Ch. J o h n s o n, Roman Egypt to the Reign of Diocletian, Baltimore, 1936.

³ ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 225 сл.

⁴ M. G e l z e r, Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens, Leipziger historische Abhandlungen, XIII, Lpz, 1909.

мени, было написано немало монографий по истории позднего Египта (IV—VII вв.), но все они (Масперо, Руяр, Гарди, Комфорт и т. д.) дают представление лишь об отдельных сторонах жизни Египта, работы общего характера, принадлежащие перу Ш. Дилиа¹ и Г. Белла², не носят исследовательского характера и дают мало нового; что же касается пропитанного духом воинствующего католицизма очерка А. Мюнье³, то он поражает своей чрезвычайной, даже для буржуазной литературы, недоброкачественностью. Этими работами исчерпывается, в значительной мере, то, что было сделано в последнее время по вопросу о позднем Египте в буржуазной историографии.

Книга Джонсона и Веста получила за рубежом положительную оценку. Даже Белл, который во многом не согласен с авторами и довольно резко их критикует, в общем оценивает книгу положительно⁴.

«Византийский Египет» не только хронологически является прямым продолжением «Римского Египта» Джонсона. Исследование построено по тем же принципам, материал обработан с тех же позиций, а поэтому ему присущи те же достоинства и недостатки, которые были отмечены А. Б. Рановичем, с той только разницей, что за это время американская империалистическая буржуазия открыто возглавила лагерь мировой реакции, а американская буржуазная историография, которая никогда не стояла на прогрессивных позициях, стала еще преданнее служить буржуазии США на своем участке идеологического фронта, еще усерднее фальсифицируя и извращая историю.

В чем же достоинства книги? Авторы обработали обширный и весьма разнообразный круг источников папирологического, археологического, законодательного и нарративного (исторические и агиографические сочинения) характера. Выводы строятся в основном на папирологическом материале. Необходимо указать, что законодательным материалом авторы несколько пренебрегают, так как, по их мнению, следует поставить вопрос, «не дает ли законодательство слишком пристрастную историческую картину» (стр. 4) в том смысле, что оно изображает действительность в преувеличенно мрачном свете, и нельзя быть уверенным в том, что византийское законодательство находило повсеместное применение (стр. 44 — т. е. и в Египте). Но разве можно заподозрить византийских императоров в том, что они, описывая бедственное положение трудящихся масс, преднамеренно сгущают краски, тем более, что факты подтверждаются папирологическими данными. Дело не в пристрастии законодателей, а, как мы увидим ниже, в предвзятом подходе авторов к материалу, в их желании отделаться от источников, не дающих возможности приукрашивать неприглядную действительность. Что касается вопроса о том, имело ли византийское законодательство применение в Египте, то он решен в положительном смысле в знакомых авторам работах польского папиролога Р. Таубеншлага⁵.

В книге собрано и систематизировано значительное количество представляющих интерес данных. Так, даются подробные сводки источников, в которых встречаются упоминания о продаже и аренде земли (стр. 78—93), о строительных материалах (стр. 109 сл.), о керамике (стр. 115 сл.), о металлах (стр. 117 сл.), о прыностях (стр. 131 сл.), о продаже и отпуске на волю рабов (стр. 134 сл.), о типах кораблей (стр. 139 сл.), о торговых путях (стр. 141 сл.), об импортных товарах (стр. 146—151), о пенах продовольственных, промышленных товаров и недвижимого имущества (стр. 175—205) и т. д. В последней главе дан подробный разбор всех видов налогов, расположенных в алфавитном порядке, с указанием на необходимые источники (стр. 297—

¹ Ch. D i e h l, L'Égypte chrétienne et byzantine. Histoire de la nation égyptienne, par G. Hanotaux, т. III, P., 1933.

² H. I. B e l l, Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest, Oxf., 1948.

³ Précis de l'histoire de l'Égypte par divers historiens et archéologues, т. II. H. M u n i e r, L'Égypte byzantine, Le Caire, 1932.

⁴ Classical Review, LXIV, № 3—4, 1950.

⁵ R. T a u b e n s c h l a g, The Legislation of Justinian in the light of the Papyri. «Byzantion», XV, 1941; о н ж е. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the Papyri, 332 B. C.— 640 A. D., N.-Y., 1944, стр. 27, 37—41 и др.

321). Авторы подробно разбирают затронутые ими сложные вопросы административно-финансового устройства позднего Египта и по некоторым из них высказывают собственную точку зрения. В этом заключается положительная сторона книги, которая в силу вышеуказанного может служить хорошим справочным пособием.

Однако всего этого еще далеко недостаточно для исторического исследования. Уже одно ознакомление со структурой книги вызывает законное недоумение: за кратким введением (стр. 1—6) следуют четыре главы: страна (стр. 7—93), народ (стр. 94—214), оборона (стр. 215—229) и налогообложение (стр. 230—332). Заключение отсутствует, и притом не случайно, так как разбросанные чисто эмпирические наблюдения, которыми пестрит книга, не позволяют его сделать.

Каждая глава состоит из ряда параграфов. Главы и параграфы внутри глав мало связаны между собой. Не только отсутствует последовательность изложения, но, более того, явления, которые самой действительностью поставлены рядом, разорваны авторами и произвольно втиснуты в различные главы. Как можно изучать социально-экономические отношения позднего Египта, не остановившись подробно на положении непосредственных производителей, на их взаимоотношениях и их роли в производстве? Между тем авторы рассматривают положение колоннов в § 4 главы «Земля», рабов — в § 3 главы «Народ», свободных земледельцев — в § 3 главы «Земля», в § 1 главы «Народ» и в § 8 главы «Налогообложение». По такому же принципу рассматривается положение крупных землевладельцев, ремесленников, церковное имущество и т. д.

Читателя поражают и многочисленные противоречия, являющиеся неизбежным следствием методологической беспомощности порочной буржуазной историографии. Так, на стр. 5, 20, 23, 32, 94 Джонсон и Вест утверждают, что египетский земледелец в птолемеевское и римское время был по существу (не юридически) на положении полукрепостного (*semifeudal*). Крепостной эмансипировался (*the emancipation of the serf*) лишь в IV в. (стр. 5); в то же время на стр. 26 они пишут, что нет никаких указаний, свидетельствующих о феодальных условиях в римское время. А на стр. 99 они утверждают, что «условия жизни не изменились со времени фараонов до XIX в.», т. е. до того времени, когда Египет стал объектом колониальной эксплуатации и, тем самым, получил «счастлиную» возможность вкусить все «преимущества» капиталистической «цивилизации».

Эмпирические наблюдения большей частью остаются без всяких объяснений. Отмечая факт превращения в IV в. египетского арендатора парской или государственной земли в собственника (стр. 5, 15 сл., 20, 96), Джонсон и Вест не видят огромного значения этого факта для дальнейшего исторического развития Египта. Дело не в облегчении положения земледельцев, превратившихся из арендаторов в собственников — ранее существовавшая разница между налогом и рентой в большой мере потеряла свое значение вследствие усиления налогового гнета в целом, — а в том, что сильно ослабшее в результате непрекращающегося по всей территории империи революционного движения¹, рабовладельческое государство было вынуждено идти на уступки и, тем самым, готовило предпосылки для созревания новых общественных отношений. При сохранении верховного права собственности государства на землю и при отсутствии класса мелких собственников, свободно распоряжающихся своими участками, не представлялось возможным закрепощение крестьян в форме патроната, так как патронат являлся не простым переходом под покровительство крупного собственника или влиятельного лица, а переходом со своей землей, также становящейся собственностью патрона.

¹ Джонсон и Вест приписывают эти изменения Константину или его наследникам и связывают их с тем, что Диоклетиан упразднил различия, существовавшие раньше в обложении различных категорий земли. Только на стр. 232 они высказывают в очень осторожной форме предположение, что «анархия III века» (так они именуют классовую борьбу угнетенных масс) могла заставить Диоклетиана приступить к составлению ценза и проведению налоговой реформы.

Как же представляют себе авторы социально-экономическое состояние Египта в ранневизантийское время? Во-первых, они совершенно упускают из виду ту общепризнанную, даже в буржуазной литературе, истину, что Египет рассматривался Римом и Византией исключительно как источник дохода, из которого можно было беспощадно и безвозмездно выколачивать огромные денежные и натуральные налоги. Империя выступала, по образному выражению Белла, в виде «вампира, высасывающего жизненные силы Египта»¹, а Египет был превращен в «дойную корову»².

Во-вторых, авторы стремятся во что бы то ни стало доказать недоказуемое, заявляя: «вопреки общему пессимизму, который характерен для большинства работ по византийскому Египту, ... мы полагаем, что византийский Египет был ареной значительного социального и экономического развития. Ремесло достигло наивысшей точки специализации, крестьянин пользовался большей свободой и безопасностью... страна преуспевала» (стр. 6). Этот же вывод повторяется и на стр. 240.

Авторы идеализируют византийское государство и его правительство, совершенно игнорируя классовый характер этого государства, как орудия господства крупных землевладельцев, и превращают жадных византийских императоров в «честных и искренних правителей, пытающихся установить контроль над ими же созданной бюрократией». Так как все источники говорят об ужасном налоговом гнете, от которого страдало население, авторы стараются выдать эти факты за случайные и нетипичные и видят вину в сборщиках налогов. Слов нет, что сборщики налогов были настоящим несчастьем для населения. Иоанн Лидиец сообщает, что «чужеземное вторжение казалось налогоплательщикам менее страшным, чем прибытие агентов фиска» (*De magistratibus*, III, 70). Папирусы свидетельствуют об огромном вымогательстве сборщиков; по данным авторов (стр. 246, 268), одни «законные» суммы, которые сборщики взимали за свои «услуги», составляли 25—30% общей суммы налогов (P. O., 2022; P. Flor., 297). Но ведь сборщики были лишь орудием византийского государства и выжимали все соки из Египта для нужд эксплуататорской константинопольской верхушки. Почти нет новеллы, в которой Юстиниан не говорил бы о необходимости строгого взимания налогов. Если в большинстве новелл он не жалеет красок для описания бедствий населения³ и демагогически выступает в роли защитника угнетенных (*Nov.* 147 pr.), то в XIII эдикте, посвященном Египту, нет даже этих чисто декларативных заявлений.

В этом эдикте Юстиниан требует применения беспощадных мер принуждения и наказания по отношению к тем, которые не захотят платить налоги или не проявят достоящего рвения в их взимании. К сбору налогов привлекаются солдаты (*Ed.* XIII, 5, 8, 9, 11—13, 20, 24). Не уплатившие налоги отправляются «в вечную ссылку» в Севастополь и Питиунт. Отряды солдат, не выполнивших своих обязанностей по взиманию налогов, лишаются своих аннон и переводятся в район Дуная «защиты ради» (т. е. в самые угрожаемые районы). Начальникам отрядов угрожает смертная казнь. Штрафов и наказаний не избежать никому⁴, даже и самому августалу. Даже смерть августала не освобождает от необходимости погашения штрафа, «ибо будут подвержены этому роду взыскания и наследники их имущества, чтобы по причине страха ничего подобного не совершалось, и чтобы не было никакой возможности избежать наказания, пока все не будет уплачено» (*Ed.* XIII, 10). Так выглядели на деле «искренние» правители, о которых говорят Джонсон и Вест.

Но египетские земледельцы страдали от двойного гнета: от эксплуатации константинопольской верхушки (налоговый гнет) и местных землевладельцев. В данном случае аргументация авторов развивается в двух направлениях: с одной стороны, они стараются доказать, что императорское законодательство против патроната достигло

¹ H. I. Bell, *The Byzantine servile state in Egypt*, JEA, IV (1917), стр. 90.

² E. Stein, «*Gnomon*», VI, 8 (1930), стр. 417.

³ *Nov.* 8 pr.; 8,10; 17,4; 17,5,I; 24,3; 25,4; 29,2; 30,4; 47 pr.; 80 pr.; 102,I; 128, 11; 130, I; 134,3; 134,7.

⁴ Штрафы за неулату налогов встречаются в папирусах под названием ζῆμια παρότιμον (стр. 308, 315).

эффекта (т. е. сумело защитить свободное крестьянство, стр. 22, 28, 32, 48), с другой,— что крупные землевладельцы «весьма гуманно» относились к своим держателям, которым жилось сравнительно неплохо.

В качестве доказательства первого тезиса приводится тот факт, что законодательство о патронате (*De patrociniis vicorum*, СТ, XIV, 24) не включено в Кодекс Юстиниана, а в папирусах V—VI вв. нет упоминаний о патронате. Нельзя, однако, не напомнить, что конституция Феодосия от 415 г. (СТ, XIV, 24, 6) узаконила создавшееся положение и признала существующие к тому времени патропии, что в Кодекс Юстиниана включены две конституции V в. (СI, XI, 54 и 56), направленные против патроната (это обстоятельство вынуждены отметить сами авторы на стр. 28 и 48). Юстиниан в XVII новелле (*De mandatis principum*, 17) приказывает начальникам провинций: «несправедливые патронаты, которые, как мы знаем, имеют место в наших провинциях, преследуй всеми способами, не позволяя никому присваивать ни жизнь других, ни селения, никогда ему не принадлежавшие».

Что касается отсутствия папирологического материала, то оно объясняется тем что динаты обходили закон путем заключения фиктивных сделок (см. стр. 48, прим. 11, и в этой связи следует отметить, что VI век является периодом дальнейшего роста крупных землевладельцев и могущества динатов (стр. 65 и 256).

Мнение, что византийские землевладельцы управляли «с большой мудростью и гуманностью», не является новым в буржуазной литературе. Оно было высказано еще в 1928 г. М. Шнебелем и принято Э. Гарди, но неожиданное приравнение крупного поместья чуть ли не к благотворительному обществу (*little more than a charitable organisation*, стр. 62) принадлежит Джонсону и Весту. Авторы считают, что в отношениях между землевладельцами и держателями земли господствовало полное равноправие (стр. 60), что крупные землевладельцы не пользовались никакими налоговыми льготами (стр. 240 и 258 слл.) и относились весьма гуманно к своим колонам, снимали с них недоимки в неурожайные годы и оказывали им всяческую помощь (стр. 56 и 62).

Доказательством равноправия служит, по мнению авторов, право контрактации, право крестьянина заключать договор с крупным землевладельцем и право заложить свое имущество в обеспечение взятых на себя обязательств (стр. 31). В этой связи интересно отметить понимание авторами термина *ἐναπόγραφος*. Они утверждают, что *colonus adscriptitius* это — «крестьянин свободного состояния, который добровольно отдается под патронат» (стр. 29)¹, что *ἐναπόγραφοι γεωργοί* были свободными держателями» (стр. 31).

Эти утверждения находятся в полном противоречии с указаниями законодательства, которое не только резко противопоставляет *coloni liberi* и *adscriptitii* (СI, XI, 48, 19; Nov. 162), не говоря уже о свободных вообще, но приравнивает положение энапографа к положению раба: «Какое различие,— читаем мы,— может быть между рабом и адскриптиием, когда и тот и другой находятся во власти хозяина» (СI, XI, 48, 21), а «хозяин пользуется в отношении колона правом патрона и властью господина (*patroni sollicitudine et domini potestate*, СI, XI, 50,2).

Что касается равноправия и добровольности (стр. 60) в отношениях между землевладельцами и крестьянами, то достаточно беглого рассмотрения приводимых авторами документов о сдаче земли в аренду, чтобы убедиться в смехотворности подобных утверждений. Так, большинство договоров (стр. 80—91) упоминает о том, что арендатор обязан выплатить землевладельцу 50% урожая, причем во многих документах он дает обязательство не покидать земли, в то время как землевладелец имеет право в любой момент приостановить действие договора. Более того, встречаются сделки, предусматривающие выплату хозяину $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{5}{6}$ урожая. Неверно также утверждение

¹ Взгляда, что *adscriptitii* это — свободные крестьяне, отдавшиеся под патронат, придерживается и Коллинет (P. Collinet, *La politique de Justinien à l'égard des colons, Studi Bizantini e Neoellenici*, V, Roma, 1939, стр. 604), но и Коллинет не дошел до утверждения, что они оставались свободными и даже после вступления под патронат, как полагают Джонсон и Вест.

Джонсона и Веста о том, что землевладельцы не пользовались налоговыми льготами. Ведь крупный землевладелец выигрывал от предоставления права автопрагии не только в том отношении, что оно освобождало его от необходимости отчислять в пользу сборщиков довольно значительные суммы (25—30% по подсчету авторов), а и в том, что он мог собирать самостоятельно налоги со своих колонов, и никто фактически его в этом не контролировал (не говоря уже о том, что он, занимая одновременно и государственные должности, вероятно, находил способ уменьшить свою долю налога).

Не взирая на императорские запрещения (СІ, ІХ, 92; Nov. 116, I), в Египте встречаются букелларии (Р. С., 67062, 67089; Р. О., 139, 150, 156, 1840, 1888, 1903, 1920, 2013, 2014, 2046; ВГУ, 836, 963; Р. L., III, 871, 2196; Р. Klein. Form., 344, 1093; PSI. 872, 953; SPP, III, 344). Вопреки императорскому законодательству (СТ, ІХ, 11. 1; СІ, ІХ, 5, 1—2), имеются частные тюрьмы (Р. О., 135, 1835, 2055, 2056; Р. Amh. 153; ВГУ, 323; Р. С., 67002 и 67005; PSI, 824, 902, 953; по данным PSI, 953, в тюрьме находилось 139 человек). Авторы стыдливо замечают, что «Апион посылал своих частных солдат помогать в сборе налогов» («помогали», по данным Р. L., 2196, 50 солдат, стр. 227), а в отношении тюрем они несколько раз высказывают предположение, что в них содержались лишь должники (стр. 167, 172 и др.). Однако имеющийся папирологический материал дает все основания считать, что букелларии и тюрьмы являются органами насилия, от которых часто страдали свободные люди, ничем землевладельцам не обязанные (Р. О., 2056).

В ряде случаев, однако (стр. 11 сл, 62, 65, 77, 132 сл., 135, 171 сл., 272, 329), авторам приходится признать тяжелое положение населения в той или иной египетской деревне. Общих выводов из этого не делается, и основной тезис, что населению Египта жилось неплохо, по мнению Джонсона и Веста, остается в силе. Доказывается это при помощи самых разнообразных и, нужно сказать, нелепых аргументов. Так, утверждается, что в Александрии было не больше 7500 бедных жителей (стр. 237, 251), так как Иоанн Милостивый, разыскав нуждающихся александрийцев, взял на содержание церкви не более 7500 человек.

Распространенный факт аренды земельного участка несколькими липами и плата за него большой ренты является, по мнению авторов, доказательством не бедности съемщиков, а выгодных условий аренды (стр. 60, прим. 59). «Выгодность» подобной аренды рассмотрена нами выше.

Далее, авторы утверждают, что налоговые сборы в византийское время были ниже, чем в римское (стр. 279, 234). При этом не принимается в расчет большое количество надбавок и вымогательства сборщиков. Авторов также не смущает то, что во многих документах взимаемые налоги составляют огромные суммы. В таком случае они находят выход из положения в предположении, что речь идет о сборе недоимок (стр. 136).

Не обращают они внимания и на факты, которые свидетельствуют уже не о бедности, а об исключительно бедственном положении населения. Мы имеем в виду продажу в рабство детей (стр. 172), заклад жен (стр. 132), сестер (стр. 132), помещенных девушек в публичные дома (стр. 172), контракты *παράδοσις* — своего рода самопорабощение (стр. 133, 135, 172). Иллюстрацией этого бедственного положения является судба знаменитого селения Афродито¹.

Характерны сведения об увеличении налогов, конфискации земли при сохранении за должником обязанности платить налоги (Р. С., 67002), нарушение прав автопрагии (Р. С., 67024, 67029, 67032), нападение пагарха во главе «разбойничьих воинских частей, разграбивших селение как варварскую страну» (Р. С., 61002 и 67283), присвоение пагархом государственных налогов, в результате чего жителям пришлось платить налог вторично (Р. С., 67029, 67024, 67032); нападение людей (вероятно, букеллариев) крупного землевладельца на крестьян, пришедших на ярмарку, и заклад-

¹ М. В. Левченко, К истории аграрных отношений к Византии в VI—VII вв. (по документам византийского Египта), ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 99—100, 1—2. Н. I. Bell, An Egyptian village in the Age of Justinian. JHS, LXIV (1944); R. A. S. 1 o m o n, A Papyrus from Constantinople (Hamb. inv., 110), JEA, 34 (1948).

чение их в господскую тюрьму; малая эффективность императорских распоряжений (Р. С., 67029, 67024), приведшая к тому, что селение было вынуждено отдаться под покровительство императрицы (Р. С., 67019, 67283).

Все эти факты даже не сопоставлены Джонсоном и Вестом. Правда, отдельные фрагменты документов пиитируются без всякой связи (стр. 257, 324) и получают весьма страшное освещение. Так, самовольное увеличение пагархом налога рассматривается не как акт произвола, а лишь как право пагарха повышать налоги (стр. 324, прим. 25).

Вполне понятно, что при таких установках нечего ожидать от авторов показа классовой борьбы. Между тем, Египет в сравнении с другими провинциями империи особенно богат свидетельствами о выступлениях народных масс.

В XIII эдикте Юстиниан говорит весьма пространно о дисциплине города (XIII, 2), о липах, пытающихся вызвать беспорядки (XIII, 11), о народных волнениях (XIII, 17). В 85-й новелле Юстиниан запрещает изготовление оружия для частных лиц, а в случае нарушения этого запрещения угрожает начальникам провинций штрафом в 10 фунтов золота и лишением должности. Очевидно, брожение в Египте было настолько сильно, что правитель Александрии и его ведомство присуждались к двойному штрафу (по 20 фунтов золота), причем им угрожала смертная казнь.

Большое значение для изучения классовой борьбы в Египте имеет хроника Иоанна Никиуского, сообщающая очень ценные сведения о двух крупных восстаниях угнетенных масс Египта, имевших место во время Маврикия (восстание в Айкелахе, которое было подавлено ценой большого напряжения военных сил трех провинций, и восстание Азари в Ахмиме, в котором приняли участие эфиопские рабы). Эти факты хорошо известны и в буржуазной литературе, но лишь советские историки сумели правильно оценить эти события в общем ходе исторического развития и сделать далеко идущие выводы большого методологического значения¹. Джонсон и Вест о восстании в Айкелахе не упоминают вовсе, а о восстании Азари сказано на стр. 133 и 146 лишь для того, чтобы указать, что в Египте имелись эфиопские рабы. Попытка Джонсона и Веста представить поздний Египет процветающей страной, а население страны — пользующимся относительной свободой и благосостоянием, конечно, не выдерживает никакой научной критики.

И. В. Сталин, говоря о Великой Отечественной войне, указал, что она «...обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительства, партий, и выставила их на сцену, без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами»². Эти слова И. В. Сталина примем, конечно с учетом исторических особенностей эпохи, и к другим крупным войнам, имеющим решающее значение для судеб того или другого государства.

Арабское вторжение было именно таким испытанием. Как явствует из анализа нарративных источников, население не только не помогало византийским угнетателям, но заняло враждебную к ним позицию и оказало прямую поддержку арабам. Крах византийского господства в Египте явился не результатом военной слабости расквартированных в Египте войск, как пытаются утверждать авторы (стр. 216), а следствием социально-экономического развития Египта и жестокого угнетения трудящихся масс византийским государством.

¹ См. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 78—79, 109; Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже V и VI вв., М.—Л., 1946, стр. 155—159; она же, К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием, ВЛГУ, 1948, № 4; она же, К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Востоке, ВИ, 1950, № 4; Методологическое значение высказываний товарища И. В. Сталина о революции рабов для советского византийствоведения, ВВ, т. III, 1950.

² И. Сталин и, Речь на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1950, стр. 12.

В конце книги приложены библиография и предметный указатель. Библиография неполная. Русских и советских работ совершенно нет. Не указан также ряд новых буржуазных работ, например: A. D é l é a g e, La capitation du Bas-Empire, Maçon, 1945; A. S e g r e. Byzantine Colonate, «Traditio», V, 1947, и др. В ссылках, как правило, отсутствуют год и место издания, для журнальных статей — их название. Нет ни списка принятых сокращений, ни перечня цитируемых источников.

Книга не лишена довольно многочисленных опечаток и неточностей.

И. Ф. Фихманъ
